

ТРУДНОСТИ ВОЗРОЖДЕНИЯ:

РЕСПУБЛИКА

НИГЕР

Вл. ИОРДАНСКИЙ

БЫЛА ночь, когда самолет поднялся в воздух. Ни земли, ни неба различить было невозможно в окружающей густой черноте. Лишь где-то далеко внизу резко вырисовывались причудливо переплетавшиеся кроваво-красные линии.

На мой недоуменный вопрос сосед по кабине равнодушно заметил:

— Саванна горит...

Мы пролетели Берег Слоновой Кости, пересекли республику Верхняя Вольта, скоро должна была показаться столица Нигера, а чьи-то руки продолжали перекручивать по темной, ночной земле огненные нити фантастического кружева. Незабываемое, страшное зрелище...

По черной земле бесконечной сверкающей вязью была выписана история борьбы африканца за хлеб, за клочок свободного от саванны поля. Эти пожары ученые связывают с господством в земледелии подсечно-огневого метода, в далеком прс-

шлом распространенного и в Европе. Для меня это было нечто вроде «предисловия» к тому, что предстояло увидеть в Республике Нигер.

У ПРЕДГОРИЙ АИРА

В 470 километрах к северу от Зиндера, на пути, идущем от границ Нигерии к побережью Средиземного моря, расположен небольшой городок Агадес. Строительным материалом здесь служила земля, смешанная с водой и высушенная солнцем. Узкие улочки утопают в песке. Только буро-желтый конус мечети — экзотической достопримечательности города, сюжета бесчисленных фотографий, снятых в Агадесе многочисленными туристами, — возвышается над этой грудой, превращенной в человеческие жилища земли.

Песок, колючие, ершистые мимозы со скрюченными стволами и голубовато-золотистый силуэт гор на горизонте составляют основные «элементы» открывающегося с выси минарета пейзажа. Аир — так называются далекие горы, царство кочевых туарегских племен и ученых-исследователей, с трудом разбирающих на скалах едва различимые остатки древних рисунков или пытающихся обнаружить новые нефтяные богатства в глубинах Сахары. Человека, оставшегося в Аире без воды, отделяют от смерти немногие часы страданий. Еще древние римляне, искавшие пути к сердцу Черной Африки, убедились в непреодолимости солнца, зноя и безводных скал, образующих Аир.

Этот край считается отсталым даже в слабо развитом Нигере. В редких оазисах недавние рабы «белла» выращивают пшеницу и финиковые пальмы. К юго-востоку от Агадеса кочевники бороро, ветвь фульбе, одного из самых загадочных народов Африки, перегоняют свои стада. Верблюжьи караваны привозят из Каснара или Джадо соль, отсюда переправляемую в города и деревни саванны.

Край традиций, древних, но еще стойких обычаев.

Еще в Ниамее я встретился с начальником канцелярии министра по делам кочевников и Сахары мсье Реньо, большим знатоком проблем пустыни. Он долго и откровенно рассказывал мне о положении дел в населенных кочевниками областях.

КОМУ НУЖНА ООРС!

Чем богат народ в районах, где избыток солнца и недостаток влаги делают почти невозможным земледелие? Скотоводство служит основным занятием населения. В Нигере не знают подлинных размеров своей бедности или своего богатства. По переписи, в стране насчитывается свыше 1,8 миллиона голов крупного рогатого скота, а по оценкам, вероятно, более близким к действительности,—три с половиной миллиона. По статистическим справочникам, в республике имеется свыше 200 тысяч верблюдов, а примерные подсчеты показывают, что их не меньше 350 тысяч.

— Определенно другое,— заметил мсье Реньо,— в нынешних условиях сколько-нибудь значительное увеличение поголовья невозможно.

Эти условия, пояснил он, складываются в своего рода «порочный четырехугольник». Если возрастает количество пастбищ, будет продолжаться ощущаться недостаток воды. Если будут вырыты новые колодцы, то скажется нехватка рабочих рук. Ведь и сейчас у пастухов едва достает сил, чтобы вручную набрать из колодцев воды для своих стад, иногда насчитывающих сотни голов. Наконец, и для создания новых пастбищ, и для рытья новых колодцев, и для привлечения, скажем, наемной силы нужны крупные капиталовложения, которые кочевники не могут сделать сами без резкого увеличения продажи скота, то есть увеличения поголовья.

Что может сломать этот «порочный четырехугольник», в который заключена жизнь хозяев пустыни: бороро, тубу, туарегов?

Старые владыки страны — французские колонисты предложили свой ответ на этот вопрос. Они создали Объединенную организацию районов Сахары (ООРС).

Сейчас в ООРС входят, помимо Франции, Нигер и Чад. План образования Объединенной организации районов Сахары возник в воображении Жака Сустеля — одного из лидеров крайне правых. Он видел в ООРС хорошее средство при небольших расходах выиграть большую игру, накрепко привязать Сахару к экономической колеснице французского колониализма. Жака Сустеля не смущало, что запряженный в эту колесницу конь уже давно начал прихрамывать.

В Нигере ООРС охватывает громадный район, составляющий не меньше двух третей территории республики. Делегат Нигера в ООРС мсье Теттен пояснил, что вне пределов Объединенной организации остались только земледельческие области. Это подлинное государство в государстве с аккуратно расставленными в важнейших стратегических пунктах французскими военными базами. Если саванна населена хауса, джерма, сонгаи, канури и другими земледельческими народами, то в полупустыне и пустыне зоны ООРС живут кочевники. Традиционная в этих местах враждебность кочевников и земледельцев, естественно, не могла быть изжита за год независимости, и это создает определенную почву для всегда возможных колониалистских авантур.

Тем временем «четырёхугольник» остается непоколебленным. Мсье Теттен сообщил мне, что в 1961 году бюджет ООРС составил в Нигере 700 миллионов так называемых африканских франков¹, полученных от отчислений с доходов от продажи добытых в Сахаре нефти и газа. В 1962 году эта сумма возрастет до 750 миллионов франков. Это пес-

чинка, которая исчезнет бесследно в раскаленном теске нигерской пустыни.

Самолет вылетел из Агадеса к вечеру. В последний раз промелькнули внизу плоские крыши агадесских домов, и вот остались позади узкие улочки с бегающими среди пыли пугливыми козами и флегматичными, равнодушными ко всему, кроме кормовой колочки, ослами. За песчаным туманом исчезла пока единственная в округе палаточная школа для детей кочевников. И задумываясь в эту минуту над всем увиденным здесь, нельзя было не сделать вывода: колониалистский «ответ» на проблемы края фальшив в самой своей сущности.

ЗЕМЛЯ ПРИОБРЕТАЕТ ЦЕНУ

Все лучшее, что производит земля нигерской саванны и руки нигерских ремесленников, собрано на рынке Зиндера, прежней столицы Нигера и крупнейшего торгового центра республики, расположенного недалеко от границы с Нигерией. Плетенные руками женщин пестрые овальные циновки расстелены прямо в рыночной пыли. Целый ряд образуют торговцы калебасами — ярко расписанной геометрическим узором африканской посудой из местной тыквы. Пряный запах мяты, каких-то неизвестных специй и трав окружает лотки торговцев зеленью. Но главное богатство рынка — земляной орех, фиолетовые, розовые, буро-красные груды которого вывалены на утрамбованные земляные площадки.

Вокруг этих груд постоянно крутятся какие-то люди. В белых и синих пышных «бубу» они напоминают птиц, слетевшихся на падаль. Я познакомился с одним из них.

Меня поразила жестокость его желтого, заплывшего лица с узкими щелчками умных холодных глаз. Разговаривая, он улыбался настороженно и льстиво. Потом мне шепнули, что этот человек сделал состояние, продавая рабов и рабынь в гаремы владык Аравийского полуострова. Теперь он торгует только арахисом, сбывая в соседнюю Нигерию три-четыре тысячи тонн ежегодно.

Земляной орех — сравнительно недавний пришелец на полях крестьян. В 1945 году зона саванны продала всего девять тысяч тонн арахиса, а в 1957 году урожаем составил более 200 тысяч тонн. Чем объяснить стремительность распространения этой культуры по саванне? Арахис нашел спрос на мировом рынке, и крестьяне вкладывают в его разведение всю свою надежду как-то повысить свой жизненный уровень.

В Зиндере пыльное изобилие товаров, свезенных сюда со всех концов саванны, ослепляет. Лишь в Ниамее мне удалось отчасти выяснить, сбылись ли чаяния, которые крестьяне связывают с производством земляного ореха, что за проблемы стоят ныне перед нигерской деревней.

Вопрос номер первый нигерской деревни: как осуществить модернизацию сельского хозяйства? Сейчас оно находится в тупике. Возможности, заложенные в традиционных формах земледелия, почти полностью исчерпали себя. Не зная удобрений, не применяя тяглого скота, плугов, крестьянин собирает урожай с участка, плодородие которого он не может повысить. Ведь производительность его основного орудия — мотыги невелика, количество рабочих рук ограничено, и рабочий день не беспределен.

Напрягая все свои силы, крестьянин пытается увеличить посева. Мне вспоминались огненные линии, виденные с самолета. Их значение мне стало

¹ Африканский, или колониальный, франк равен двум французским метлотри.

понятнее, когда я повидал поля сорго в саванне вокруг Тиллабери, посадки арахиса и проса в окрестностях Досо. Почерневшие от пламени стволы деревьев, торчавшие среди полей, стоят немymi свидетелями тщетных, но упорных попыток крестьянина вырваться из-под многовекового гнета нищеты.

С кем бы я ни разговаривал — с лесничим или агрономом, администратором или стариком крестьянином, — каждый подчеркивал губительность пожаров саванны для земледелия. Причин приводилось много — и изменение климата, и усиление эрозии почв. В своих предложениях правительству, внесенных при составлении трехлетнего плана экономического и социального развития республики, комеданты округов в один голос требуют решительной борьбы с поджогами саванны. При этом все понимают, что призывами не зальешь ползущего по саванне пламени. Только смелая модернизация земледелия может остановить опасный огонь.

В состоянии ли нигерское крестьянство само справиться с полной перестройкой своего хозяйства, говорит сухое свидетельство важнейшего экономического документа республики — трехлетнего плана ее экономического и социального развития. На странице 27-й плана указывается, что из денежных доходов крестьянства примерно две пятых поступает в казну. А дальше, на странице 28-й, говорится, что африканские семьи практически не имеют денежных накоплений. Где же после этого взять крестьянину средства на приобретение удобрений, скота, инвентаря?

Нет, до сих пор земляной орех не принес благосостояния нигерской деревне. Напротив, вместе с ним в деревню пришло другое: резко обострились социальные конфликты, с новой силой вспыхнули противоречия между крестьянством и феодальной верхушкой страны.

Дворец султана в Зиндере — это массивное, напоминающее скорее крепость сооружение с большим внутренним двором, с лабиринтом узких проходов, лестниц, многочисленных комнат. Построенное в традиционном хаусанском стиле, оно не лишено грубой выразительности. В странных, необычных линиях дворца, в его асимметричности заложена сила, невольно привлекающая внимание.

И живущий обычно здесь султан — отнюдь не экспонат своеобразного исторического музея. Его авторитет, его власть, хотя и ограниченные, остаются значительными. И сам султан, и десятки других еще существующих в стране традиционных вождей представляют собой серьезную, притом реакционную политическую силу.

Раньше феодалы саванны удовлетворялись повинностями, которые по отношению к ним несло население. Но появление арахиса сделало землю источником денежных доходов, и теперь феодалы начали захват общинных владений. Земля приобрела цену, которой не имела раньше. В результате нигерская деревня постепенно превращается в арену все более острой и напряженной классово-борьбы.

Когда едешь по пыльным дорогам саванны, постепенно попадаешь под очарование ее широких просторов, ее суровой, но бесконечно прекрасной природы. Тишина, великий покой, как кажется, царят здесь. Но как обманчиво это впечатление!

СТОЛИЦА

Столица республики расположена на левом, высоком берегу Нигера. Паром соединяет Ниамей с правобережьем, и здесь начинают свое путешествие едущие в Гану или Верхнюю Вольту. У при-

чала постоянно шумит толпа стремящихся в Гану на заработки крестьян, куда-то спешащих торговцев. Шоферы грузовиков весело перекликаются из своих кабин с этим людом.

Сам город невелик. Если бы не ветвистые пальмы, да зеленые куртки солдат с французской военной базы, его пыльные улицы, низкие с плоскими крышами глинобитные дома, высокие глинобитные заборы создавали бы впечатление небольшого среднеазиатского городка начала века. Ниамей славится изобилием ремесленников и их мастерством. 340 горшечниц, 688 ткачей, 245 кузнецов, 108 сапожников, 33 ювелира высоко держат репутацию столицы.

Несколько в стороне от африканских кварталов и торгового центра, в удалении от шумных улиц находятся министерства, здания которых едва видны за пыльными кронами окружающих деревьев. Самоотверженная борьба врачей за здоровье народа и суеверный страх жены кочевника перед школой, куда отец хочет послать своего сына, волнующие всю страну экономические проблемы и острые конфликты из-за земли в деревне превращаются за столами этих зданий в сухие документы — отчеты чиновников или правительственные решения.

К Ниамею тянутся дороги со всех концов страны — из Нигми, небольшой деревни на берегу озера Чад, и из Бильмы, затерявшейся в просторах Сахары, из Маради и Айору, из Досо и Сая. В этом городе мужчины-туареги, прикрывающие лицо вуалью из блестящей синей ткани, встречаются с хауса в белоснежных тюрбанах. На рынке женщины сонгаи прицениваются к серебряным талерам австрийской императрицы Марии-Терезии, сохранившимся здесь в моде с XVIII века. Талер — не только денежная единица, имеющая хождение до сих пор, но и украшение, вплетаемое в косы местных модниц. Желтолицые бороро пригоняют сюда на продажу свой скот — быков с громадными лирообразными рогами.

Подобно другим столицам мира, Ниамей представляет собой всю страну в миниатюре. Этот город — своеобразный «фокус» этнических, культурных, социальных и экономических особенностей республики.

Генеральный комиссар по вопросам плана мсье Бейль принял меня в своем служебном кабинете, «украшенном» синьками карт и диаграмм. Разговор с этим умным, многое знающим человеком сразу же ввел меня в курс стоящих перед страной проблем.

— Раньше изучение Африки шло в плане выяснения, что она может дать Европе. Внедрялись культуры, нужные Европе. Теперь, — говорил мсье Бейль, — мы начинаем изучать, что Африка может дать самой Африке.

Первый разработанный в стране план, трехлетний план экономического и социального развития, и служит главным образом этой цели — выяснить, каковы собственные ресурсы страны, ее возможности. Этот план, предусматривающий прежде всего исследования и проектирование, должен явиться подготовкой к намечаемой правительством дальнейшей программе завоевания экономической независимости.

В беседе мсье Бейль почти не коснулся стоящих перед страной финансовых проблем, которые в особенности интересовали меня. Ведь в какой-то мере и модернизация сельского хозяйства, и развитие скотоводства, и начало промышленного развития зависят от того, удастся ли правительству найти средства для финансирования своих проектов. Озна-

комление с самим планом и новые встречи помогли мне составить общее представление о финансовом положении республики.

РАЗГРАБЛЕНИЕ АФРИКИ

Собственные ресурсы страны пока что очень ограничены. В государственном бюджете, составляющем около девяти миллиардов африканских франков, поступления от налогов, таможенных сборов и из других внутренних источников немного превышают три с половиной миллиарда франков, тогда как около пяти с половиной миллиардов получают из-за рубежа в форме кредитов, «даров» и т. п. Вместе с тем при ближайшем рассмотрении эта заграничная «помощь» оказывается фикцией.

Сотрудник еженедельника «Насьон франсэз» Жильбер Конт познакомил меня со своей статьей «Разграбление Африки». В ней автор рассказывает, что французские капиталистические компании вроде «Управления общественных работ и транспорта», «Общества Бенина», торговых домов Бидаля и Луриака поглощают примерно 25 процентов годового национального бюджета в виде сверхвысоких прибылей. Получая правительственные заказы, подчеркивает Жильбер Конт, они систематически рассчитывают свои проекты таким образом, чтобы обеспечить себе не менее 40 процентов прибыли.

Почти вся финансовая «помощь» Франции поступает в кассы кучки хозяйничающих в Нигере монополий. В 1959 году в Нигер поступило из Франции 5,4 миллиарда, а было вывезено туда 4,2 миллиарда африканских франков. Прав Конт, когда пишет: «Это хищничество — надо называть вещи своими именами — осуществляется в ущерб как африканскому крестьянину, так и налогоплательщику метрополии».

В Ниамее вся эта история является секретом полишинеля, однако насос, перекачивающий деньги из кармана французского трудящегося и нигерского крестьянина в сейфы колониальных монополий, продолжает работать без существенных перебоев. В чем дело? — спрашивал я своих нигерских знакомых. Вместо ответа они обычно показывали на проходящих или проносившихся мимо в джипах французских солдат.

Как-то вечером с одним из своих ниамейских друзей я поехал на народные гуляния. Бешено стучали тамтамы небольшого народного оркестра, в полном самозабвении кружились танцоры, радостно смеялись стоявшие плотным кольцом зрители. Радостью было отмечено каждое движение пляски, радостным был гром барабанов.

Но моему собеседнику было не до веселья. Погруженный в свои мысли, он говорил мне:

— Конечно, когда идешь с копьем на человека, вооруженного винтовкой, нужна осторожность. Но главное — смелость и решимость победить. Если мы не будем смелы и решительны, мы не выберемся из трудностей и не добьемся полной независимости.

Людей, думающих так, много в Республике Нигер. Их родина немногим больше года назад завоевала политическую независимость. Это был крупный успех. Теперь нигерские патриоты начали борьбу за экономическое возрождение молодой республики. Борьба будет трудной. Никто не скажет сейчас, когда будут полностью открыты двери в лучшее будущее. Пока ясно одно: как ни сильны позиции колониализма в республике, народ сильнее.

ПИСАТЕЛИ ЭФИОПИИ

Э. ГАНКИН

СОВРЕМЕННАЯ эфиопская литература сделала лишь первые робкие шаги, когда в 1935 году на землю Эфиопии ступил кованый сапог итальянского фашизма. Наступили годы застоя в культурной жизни страны, когда свобода мысли и свобода печати находились под замком.

С изгнанием оккупантов началось быстрое развитие литературы. Выходят в свет романы, новеллы, пьесы, поэмы и стихи. Пробуждается живой интерес к произведениям фольклора, издаются сборники сказок, пословиц и поговорок, народных песен. Как в прозе, так и в поэзии не могла не найти своего отражения борьба эфиопского народа против итальянско-фашистских захватчиков.

За последние годы все чаще появляются произведения, затрагивающие социальные проблемы. В книге «Внезапный призыв» (1948 год) Тасис Эба бичует представителей господствующего класса за жадность к деньгам и пресмыкательство перед иностранцами. Новеллист Тадесе Либен в сборниках рассказов «Мескерем» (1957 год) и «Другой путь» (1958 год) реалистически изображает тяжелую жизнь бедняков и средних слоев населения города и деревни. Таков, например, рассказ «Другой путь», где с глубоким сочувствием описывается судьба способного юноши, который не может найти работу лишь потому, что у него нет влиятельных покровителей. Героиня рассказа «Абонеш», молодая крестьянка, оставшаяся после смерти мужа с двумя детьми на руках, вынуждена встать на путь проституции.

Драматургия представляет собой новый жанр в современной эфиопской литературе. Писателями Эфиопии написано несколько пьес в стихах и прозе, преимущественно исторического характера. Среди них — «Голос крови», талантливая пьеса Меконне-на Эндалькачоу, драма Кеббеде Микаэля «Ганнибал» (1956 год), пьеса Берхану Денке «Царица Савская» (1951 год) и другие. В 1953 году известный поэт и писатель Кеббеде Микаэль перевел на амхарский язык трагедию Шекспира «Ромео и Джульетта».

Современная поэзия Эфиопии часто обращается к богатому амхарскому фольклору. Наиболее крупные поэты — тот же Кеббеде Микаэль и Менгесту Лемма. Тематика стихотворений Кеббеде Микаэля очень разнообразна: он вспоминает трагические годы оккупации Эфиопии («Черные похожи на люди дей»), его интересует мировая история («Ганнибал»), события сегодняшнего дня («Атом»). Просветительские события сегодня все его творчество — не случайный пафос пронизывает все его творчество — не случайно сборники стихов Кеббеде Микаэля называются «Лучи знаний» (1957 год) и «Светоч разума» (1958 год).

Реалистические тенденции присущи и поэзии Менгесту Лемма, опубликованного в 1958 году «Сборник стихотворений», в который вошли стихотворения на лирические, философские и бытовые темы, написанные им за 1945—1958 годы.

Одна из самых молодых литератур Африки — эфиопская литература не стоит в стороне от жизни, борется за то, чтобы стать выразительницей интересов и стремлений независимого и миролюбивого народа Эфиопии.